

maestro
of detective

ЧИНГИЗ

Абдуллаев

ЛИНИЯ АЛЛИГАТОРА

Дронго

Чингиз Абдуллаев
Линия аллигатора

«PEN-клуб»

1996

Абдуллаев Ч. А.

Линия аллигатора / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1996 — (Дронго)

В Москве в автокатастрофе гибнет гражданка США, дочь видного американского политика. Ее смерть, произошедшая при довольно странных обстоятельствах, и последующая экспертиза вызывают у консульства США массу вопросов. Российская же сторона явно не в состоянии дать сколько-нибудь исчерпывающие ответы, зачастую просто уходя от них. И тогда отец жертвы решает пойти иным путем: он обращается к всемирно известному эксперту Дронго и просит его провести неофициальное расследование. Дронго охотно соглашается, но, едва начав, понимает: он ступил на край пропасти...

Содержание

Вступление	5
1	6
2	9
3	11
4	15
5	18
6	22
7	25
8	29
9	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Чингиз Абдуллаев

Линия аллигатора

Величайшая трудность для тех, кто занимается изучением человеческих поступков, состоит в том, чтобы примирить их между собой и дать им единое объяснение, ибо обычно наши действия так резко противоречат друг другу, что кажется невероятным, чтобы они исходили из одного и того же источника.

Мишель де Монтень «О непостоянстве наших поступков»

Вступление

Он часто вспоминал эту сцену... И восприятие ее каждый раз менялось в зависимости от ситуации. Несколько лет назад, в Таиланде, они с приятелем смотрели ферму аллигаторов, где, кроме разведения страшных животных, местные дрессировщики показывали и различные фокусы. Собственно, ферма была коммерческим заведением, здесь разводили крокодилов на продажу и для выделки их особенной кожи. Именно тогда один из дрессировщиков, пожилой человек лет семидесяти, подошел совсем близко к аллигатору, демонстрируя полнейшее спокойствие. Но когда за ним двинулся и один из самых храбрых зрителей, тот предостерегающе поднял руку.

– Нельзя, – сказал сурово, – нельзя подходить ближе. У каждого аллигатора есть своя линия, своя черта, переступив которую вы уже не сможете убежать. Я стою чуть сбоку и знаю, куда нужно прыгнуть в случае опасности. А вы этого не знаете. Вы не успеете убежать. Они очень проворные и очень хитрые животные, эти бестии. Не смотрите, что он лежит так спокойно, как будто спит, с закрытыми глазами. На самом деле он ждет, когда вы переступите черту, пройдете линию, за которой он сможет вас достать. И тогда вам уже ничто не поможет. Он умеет прыгать как обезьяна. Мы говорим: если дьявол решит принять чье-то обличье, он превратится в аллигатора.

Огромный аллигатор в этот момент открыл глаза, словно поняв, что именно говорит стоявший рядом с ним человек. И действительно прыгнул в его сторону. Но дрессировщика там уже не было. Ведь он не сказал, что еще более опасным и хитрым животным является сам человек. Хотя Дронго знал это, пожалуй, лучше других.

1

Чтобы нормально засыпать по ночам, нужно иметь либо пустую голову, что гарантирует отсутствие всякого рода переживаний, либо тяжелую физическую работу, выматывающую так, что сон воспринимается как заслуженный отдых. Во всех остальных случаях, особенно если вам около сорока лет и вы все еще не женаты, спокойный сон представляется вещью почти невозможной.

Он плохо спал последние дни. Может, сказывалось отсутствие того самого напряжения, к которому привык за многие годы. Может, сказывался его переломный возраст, с наступлением которого ясно осознаешь, что лучшая часть жизни уже позади. Может, сказывались атмосферные явления, о которых так любили писать в газетах. Но он спал плохо, ворочаясь в своей постели иногда до самого утра. Собственно, он и раньше был «совой», предпочитая ложиться не раньше четырех-пяти утра. Но сейчас не помогали даже ночные бдения. Возможно, это было связано с отсутствием привычных нагрузок на мозг.

У него были две постоянные квартиры. В Москве, ставшей теперь столицей чужого государства, и в своем родном приморском городе, в котором он рос и мужал. Приехав сюда два месяца назад, он дал себе слово ничем больше не заниматься, просто читать любимые книги, смотреть телевизионные передачи и встречаться с еще оставшимися знакомыми. Но мир, царивший за окном, властно вторгнулся и в его квартиру, стоило только включить телевизор или взять свежие газеты.

Бессмысленное, бесперспективное, варварское противостояние в Чечне, когда с обеих сторон проявлялись чудеса мужества и героизма, приводившие к еще большей крови, вызывало возмущение и тем обстоятельством, что на этой войне еще больше проявлялось самых низменных человеческих качеств, словно напоказ выставленных всевозможных пороков. Беспрецедентная жестокость, откровенный бандитизм с обеих сторон, мародерство, пренебрежение человеческой жизнью, характерные для любой войны, становились нормой и на этой, превращая ее в самую кровавую бойню конца двадцатого века. Не хотелось слушать новости, не хотелось снова видеть изувеченных и раненых людей, зачастую становившихся просто разменной монетой для откровенных циников и мерзавцев, возглавлявших обе стороны.

В этот день он заснул лишь в седьмом часу утра и уже через четыре часа проснулся от настойчивого звонка в дверь. Посмотрев на часы и пробормотав проклятие, с трудом поднялся с постели. В такой ранний для него час он никого не ждал, и этот звонок вызвал тем большее раздражение. Подойдя к двери и убедившись, что звонит неизвестный ему человек, он отошел, намереваясь вернуться в постель. Когда незнакомец снова настойчиво позвонил и, уже обращаясь к кому-то, стоявшему рядом, сказал громко по-английски: «Может, его нет дома?» – Дронго еще раз посмотрел на незнакомца. Более внимательно. Очень дорогой костюм сдержанных тонов, подобранный в тон шелковый галстук, хорошо уложенные волосы, холеное, надменное, несколько вытянутое лицо с красными, воспаленными глазами. На всем его облике лежала печать какой-то беды либо растерянности, характерной для людей, впервые столкнувшихся с неразрешимой задачей или с большим горем. Дронго чуть поколебался и лишь затем спросил:

– Что вам нужно?

– Извините, – сказал чей-то женский голос за дверью, и рядом с головой незнакомца появилась приятная женская головка, – мы хотели бы с вами переговорить.

Она говорила по-русски достаточно чисто, почти без акцента, но тем не менее Дронго уловил определенные паузы перед гласными, столь характерные для людей, говоривших на английском.

– Вы ошиблись, – равнодушно отозвался он.

– Нет, – торопливо сказала женщина, – нам нужны именно вы, Дронго.

Это было уже действительно интересно. Откуда они знают его адрес и даже его кличку? Он щелкнул замком, открывая дверь. На лестничной клетке стояли незнакомый ему мужчина лет шестидесяти и молодая женщина, очевидно, его переводчик, лет тридцати. Гость действительно имел импозантную внешность, мощный подбородок, характерный нос с большой горбинкой, глубоко посаженные глаза и почти седые волосы. У женщины в лице было что-то неуловимо скандинавское: то ли большие темно-зеленые глаза, то ли несколько тяжеловатый подбородок, не обращающий на себя внимания из-за красивого чувственного рта, а может, собранные в тугой узел светлые волосы позволяли относить ее к северному типу. При этом Дронго мог поклясться, что видел раньше это красивое лицо, хотя молодая женщина была очень молода, на вид не более двадцати – двадцати пяти лет.

Отсюда было видно, что на нижней площадке стоят двое молодых людей, терпеливо ждущих любых распоряжений. В свою очередь, неожиданные гости с интересом смотрели на высокого широкоплечего лысоватого мужчину лет сорока. Бросались в глаза его большой лоб, тонкая линия губ, прямой ровный нос, внимательный, изучающий взгляд. Он потер рукой подбородок и задал вопрос:

– Кто вы такие?

– Это мистер Джозеф Роудс, – пояснила молодая женщина, все-таки по-русски она говорила с ощутимым акцентом, – он прилетел из Вашингтона. А я его переводчик.

– А у переводчика есть имя? – насмешливо осведомился Дронго.

– Да, конечно, – смутилась женщина, – меня зовут Сигрид.

– И что вы хотите, Сигрид?

– Мистер Роудс хочет с вами переговорить.

Дронго посмотрел в воспаленные глаза стоявшего перед ним человека. И прочитал в них нечто такое, что не позволяло больше шутить либо держать этих людей на пороге квартиры. Он распахнул дверь и сказал по-английски:

– Проходите. Надеюсь, эти молодые люди внизу не станут ломиться ко мне в дом?

Роудс повернулся и махнул рукой.

– Подождите внизу, в машине, – резко сказал он. Это был уверенный голос человека, привыкшего распоряжаться. Дронго обратил на это внимание.

Роудс и его спутница прошли в столовую по коридору, заставленному полками с книгами. Гости обратили внимание, что книги были на нескольких языках, однако больше всего на русском и английском. В столовой пришедшие удобно расположились в глубоких креслах. Дронго принес бутылку хорошего французского коньяка и набор шоколадных конфет. Прошел на кухню, поставил чайник, глянул в небольшое зеркало, висевшее в коридоре, и, оставшись недовольным своей несколько помятой физиономией, вышел к гостям. Он уселся на диване, напротив незнакомцев, потревоживших его столь неожиданно.

– Теперь я к вашим услугам, господа, – сказал он, разливая коньяк в небольшие фужеры.

Гость не притронулся к спиртному. Он просто внимательно следил за хозяином квартиры, словно изучая его и оценивая его возможности. Это было настолько очевидно, что Дронго, усмехнувшись, сказал:

– Так обычно разглядывают на базаре лошадей при покупке.

Роудс смутился. Отвел глаза. Резкие черты его лица не смягчились.

– Вы так хорошо говорите по-английски, – удовлетворенно сказала Сигрид, – вам не нужен переводчик.

– Вы правы. Мистер Роудс, очевидно, хотел со мной познакомиться, чтобы сообщить нечто важное. И я рискну даже предположить, не очень приятное для него.

Хмурый взгляд Роудса не обещал ничего хорошего. Изумленная женщина посмотрела на Дронго.

– С чего вы взяли?

– Мне так кажется.

Женщина взглянула на своего спутника. Она заколебалась, не решаясь перевести слова хозяина дома.

– Мистер Роудс, – Дронго смотрел в глаза незваному гостю, – я не фокусник и не астролог. Если вы приехали получить какую-то консультацию, я могу сделать все, что сделал бы любой человек. Если за чем-то другим, извините. Это не по моей части.

Роудс заколебался. Вдохнул. Потом достал из кармана пачку сигарет «Картье», очень дорогую зажигалку.

– Здесь можно курить? – спросил он, и Дронго кивнул ему.

Роудс судорожно достал сигарету и несколько раз щелкнул зажигалкой. Очевидно, он раньше не курил, так как обращался с зажигалкой совсем не как заядлый курильщик. Дронго обратил внимание и на этот штрих.

– Мне рекомендовали обратиться к вам, мистер... – он не стал называть его имени, – мне просто сказали, что есть человек, способный решать некоторые вопросы достаточно нетрадиционным способом именно здесь. И я решил найти вас.

– Кто вам сказал?

Роудс затянулся. Потом ответил:

– У меня есть связи. В Вашингтоне, в Пентагоне, в Лэнгли. Мне посоветовали обратиться именно к вам, уверяя, что вы лучший из экспертов-аналитиков в странах СНГ. Один из наших общих знакомых, мистер Пьер Дюнуа, помог мне найти вас. Думаю, вы его помните.

– Прекрасно помню, – кивнул Дронго.

Он не стал говорить, что Дюнуа практически спас ему жизнь в восемьдесят восьмом году, когда его тяжело ранили в Нью-Йорке. Он тогда заменил сиделку и врачей, бережно выхаживая своего друга.

Роудс достал из кармана письмо, протянул Дронго. Тот раскрыл конверт, достал листок.

«Дорогой друг, – писал Дюнуа, – я рад и горжусь твоими успехами, о которых иногда мы слышим и у нас, за океаном. Сенатор Джозеф Роудс пережил страшную трагедию. Думаю, что ты мог бы хоть как-то помочь ему. Ты лучше всех подходишь для этой работы. С уважением и любовью к тебе, твой Пьер Дюнуа».

Дронго дочитал письмо. Положил бумагу и конверт на столик. И поднял глаза на гостя.

– Что у вас случилось? – спросил, уже понимая, что все его догадки были верными.

В ответ Роудс опустил голову. Потом с силой раздавил сигаретный окурочек в пепельнице. Тяжело вздохнул и, глядя в глаза Дронго, сказал:

– Дело в том, что я полгода назад потерял свою старшую дочь. Потерял ее в Москве. Никто не сумел объяснить мне, что здесь произошло и как она погибла. Вразумительного ответа я не получил до сих пор. А мне нужно знать, как все случилось. Именно поэтому я здесь. И именно поэтому вы мне так нужны, мистер Дронго. Я хочу знать, как и из-за чего погибла моя дочь. Хотя бы для того, чтобы отомстить. И еще одно немаловажное обстоятельство. У меня растет младшая дочь. И я должен защитить себя от повторения подобных трагедий. Вы понимаете мои мотивы?

– Рассказывайте, – выдохнул Дронго, – я вас слушаю.

2

Телефонный звонок заставил его вздрогнуть. Он посмотрел на стоявший слева от него аппарат, словно решая, стоит ли вообще прикасаться к телефону. И только когда раздался пятый звонок, он наконец включил магнитофон, подсоединенный к аппарату, и поднял трубку.

– Господин Леонтьев? – спросил незнакомый голос.

Каждый раз – незнакомый голос, как будто звонивших был целый легион. Или они набирали добровольцев-садистов?

– Что вам нужно? – устало спросил он. Кажется, за эти дни он научился чувствовать, когда именно они позвонят, и безошибочно угадывать тех, кого он больше всего опасался.

– Вы должны были решить, – напомнил незнакомец, – мы ждем уже достаточно долго.

– Я помню, – торопливо сказал хозяин кабинета, – но это не так просто, как вам кажется. Я должен продумать варианты.

– Вы говорите о них уже вторую неделю. Мы не можем столько ждать. Нам нужно ваше согласие. И как можно быстрее.

– Я еще не готов, – пробормотал он, уже не думая, каким образом сумеет оправдаться.

– Это не оправдание, – жестко заметил очередной незнакомец.

Все-таки интересно, почему они каждый раз говорят разными голосами?

– Перестаньте, – быстро перебил его Леонтьев, – неужели вы не понимаете, что такие вещи быстро не делаются?

Ему было важно, чтобы они как можно больше наговорили на пленку. В нужный момент можно будет использовать пленку против мерзавцев, которые ему звонят. Хотя он понимал: если его подозрения окажутся оправданными, ему не поможет даже такая пленка. Звонившие в любом случае будут неуязвимы для него. Но попытаться стоило в любом случае.

– Вы тянете с ответом уже столько времени, – снова напомнил его собеседник, – а сегодня был последний день.

– А если я соглашусь?

Может, стоит попытаться таким образом? И они раскроются?

– Тогда и будет настоящий разговор. И не нужно с нами хитрить. Вы напрасно тянули время.

– Я прошу дать мне еще три дня.

– Нет, – жестко сказал незнакомец, – вы исчерпали свой лимит времени. И не вздумайте с нами играть в кошки-мышки. Себя вы, возможно, и спасете. Надеюсь, вы помните, что у вас есть две дочери. И они ходят в ту самую школу, которая находится совсем недалеко от вашего дома. Причем ваш водитель довозит их только до поворота. Вы ведь понимаете, как сильно они рискуют, когда переходят улицу. Может появиться случайная машина и...

– Замолчите, – почему-то шепотом сказал он.

– Теперь вы действительно все поняли. До свидания.

Телефон отключился. А он остался сидеть в кресле с трубкой в руках. Потом медленно набрал номер знакомого ему телефона. Послышался знакомый бас.

– Иван Дмитриевич, – сказал Леонтьев, – нам нужно принимать решение. Мне опять звонили, угрожали. Я просто вынужден буду это сделать. Мне понадобятся деньги.

– У меня их нет. Ты ведь знаешь, что сейчас происходит. Я никак не могу дать тебе нужную сумму.

– Мне нужно хотя бы половину.

– Они все в обороте. Вытащить их за несколько дней невозможно. Объясни, что тебе нужно подождать.

– Но поймите...

– И не нужно меня убеждать, Леонтьев. Все равно ничего не получится.
– Они могут прийти ко мне в любой момент. Вы ведь знаете, они не будут шутить.
– Придумай что-нибудь. Они должны понимать, что дела так не делаются... Ты толковый человек, сам можешь все объяснить.

На том конце снова гудки, и он осторожно кладет трубку на рычаг телефона. Потом, вспомнив про магнитофон, выключает и его. Кажется, он случайно записал оба разговора. Может, это и к лучшему. Он перематывает пленку, прослушивает, затем ставит во второй раз. Именно в этот момент в его кабинете появляются двое незнакомых молодых людей в светлых перчатках. «Странно, что они вошли без доклада», – мелькнула последняя мысль. Незнакомцы молча подходят к нему, пока он соображает, что нужно этим ребятам.

Один вдруг с силой тянет на себя его руки, а второй достает пистолет. Леонтьев еще не понимает, что они хотят сделать, и даже не успевает спросить, когда второй вошедший представляет к его виску дуло пистолета и стреляет. Мозг и кровь растекаются по стене. Убийца осторожно перекладывает пистолет в руку убитого и, кивнув напарнику, быстро направляется к выходу. Другой идет следом за ним.

Они выходят вместе. Через минуту в кабинете Леонтьева появляется его секретарша, вызванная в другое крыло здания по какому-то пустяковому делу. И тогда из кабинета заместителя начальника республиканской таможни раздается громкий крик.

3

Мистер Роудс помолчал, словно раздумывая, с чего начать, и, прикурив очередную сигарету, приступил к своему нелегкому рассказу:

– Моя дочь Элизабет с детства мечтала работать в газете. Она всегда хотела быть собственным корреспондентом крупного издания в какой-нибудь экзотической стране. И успела побывать повсюду: от Африки и Индонезии до Латинской Америки. Она знала несколько языков, в том числе испанский. Особенно давно она хотела побывать в Москве, где, по ее мнению, было довольно интересно. Она прибыла в Россию в качестве собственного корреспондента «Чикаго трибюн» примерно восемь месяцев назад. Нужно сказать, что поначалу дела шли неплохо. Ей нравилась новая работа, новые друзья.

– Простите, – вмешался Дронго, – откуда вы знаете, что ей все нравилось? Неужели она вам звонила?

– Да, – кивнул Роудс, – не удивляйтесь. Мы выходцы из Джорджии, и хотя сейчас и живем в Чикаго, тем не менее сохранили достаточно патриархальные отношения. Моя дочь обязательно хотя бы раз в неделю звонит нам, чтобы узнать, как мы себя чувствуем, и рассказать о себе. Вернее, звонила...

«Патриархальная семья, – подумал Дронго, – все-таки разные цивилизации до сих пор еще не оформились в единое человеческое пространство». Он считал для себя обязательным звонить своим родителям почти каждый день, и если он не звонил два-три дня, это было уже чрезвычайным событием. А находясь в родном городе, он посещал родителей почти ежедневно. Но его родители не были выходцами из Джорджии.

– Она проработала всего около двух месяцев. Последний раз позвонила нам в субботу. Я так точно помню, потому что был день рождения моей супруги. Элизабет позвонила и поздравила мать. А через несколько дней нам позвонили и сообщили о ее смерти.

Роудс потушил смятую сигарету и потянулся за новой.

– С этого момента рассказывайте подробнее, – попросил Дронго, – как все это было. Кто вам позвонил, что сообщил, когда именно вы узнали о смерти дочери?

– Нам позвонили двадцать второго числа. Был тяжелый день, с самого раннего утра у меня уже было какое-то недоброе предчувствие. И вдруг этот звонок ко мне в офис. Секретарь доложила мне, что звонят из Москвы. Я взял трубку, посчитав, что это Элизабет, и услышал чужой мужской голос.

«Мистер Роудс?» – спросил меня этот мужчина.

«Да», – ответил я, уже не ожидая ничего хорошего от звонка.

«Я говорю с вами по поручению американского посла в Москве мистера Пиккеринга. Я обязан сообщить вам скорбную весть».

«Что случилось?»

«Ваша дочь, мистер Роудс. Она погибла два дня назад. В автомобильной катастрофе. Примите наши соболезнования, сэр...»

Что дипломат говорил потом, я уже не помнил. Все поплыло перед глазами. Кажется, на мгновение я даже потерял сознание. Только услышав следующие слова, я пришел в себя.

«Мы хотели бы знать, какие будут пожелания вашей семьи, мистер Роудс. В настоящее время мы готовим документы для отправки тела в Чикаго. Если вы не распорядитесь как-то иначе».

«Я вылетаю в Москву, – довольно невежливо перебил я дипломата, – вылетаю немедленно».

И действительно вылетел уже через несколько часов, успев на российский самолет, отправлявшийся из Чикаго. В Москве меня встречали представители посольства. Я сразу попросил отвезти меня в морг. Что они и сделали. Там я увидел мою девочку...

Роудс замолчал, отвернувшись, словно заново переживая все, что с ним произошло. Дронго протянул руку к бутылке, плеснул ему еще коньяка. И терпеливо ждал, пока гость заговорит.

– Спасибо, – оценил его тактичность Роудс, – кажется, я уже лучше справляюсь с этим, чем раньше.

Я ее, конечно, сразу опознал, хотя голова была разбита. Потом словно в тумане подписывал какие-то бумаги, разговаривал с представителями московской прокуратуры и нашего посольства. Вечером меня отвезли в отель, где я переночевал. На следующее утро меня повезли на квартиру, которую снимала Элизабет. Нужно было собрать ее личные вещи, которых оказалось не так много, лишь два чемодана и сумка. Она не очень любила роскошные платья, предпочитая ходить в джинсах и куртках. Мы забрали ее личный компьютер, ее бумаги, документы, дискеты. Сотрудники посольства объяснили, что я могу требовать подробной описи всего того, что было внесено в протокол во время обыска, но я отказался. Нам помогала Магда, подруга Элизабет, с которой они вместе снимали эту квартиру.

– Она тоже приехала из США?

– Нет, она приехала из Англии. Была корреспондентом радио. У нее мать, по-моему, итальянка. Но они были знакомы с Элизабет достаточно давно, пожалуй, несколько лет. Вот они и решили жить вместе.

Дронго кивнул, но не стал ничего больше уточнять, и его гость продолжал свой нелегкий рассказ:

– Я успел побывать на том месте, где разбилась машина Элизабет. Это был довольно крутой поворот, в который она не вписалась и врезалась в грузовик. Откровенно говоря, место там действительно сложное, и вполне можно было не вписаться в поворот, тем более что в день аварии шел довольно сильный дождь.

Дронго внимательно слушал.

– Автомобиль, который арендовала Элизабет, был разбит почти полностью, и мне пришлось еще оплатить его стоимость. Я почти не встречался с представителями прокуратуры и полиции, простите, в России, кажется, полицейских называют милицией. Только один раз, перед самым отъездом, встретился с молодым человеком, который передал мне папку с заключением экспертов и официальным заключением московской прокуратуры. После этого вылетел в Америку, куда привез тело нашей Элизабет.

Роудс снова замолчал, но молчание на этот раз не затянулось, просто он раздавил очередную сигарету и потянулся за новой.

– Больше рассказывать, собственно, нечего. Мы похоронили Элизабет в Джорджии, в Даблине, рядом с моими родителями. Я бы не стал никогда больше приезжать в эту страну, если бы не одно обстоятельство.

Дронго смотрел на своего гостя и по-прежнему ничего не спрашивал.

Роудс достал из папки, которую принес с собой, лист бумаги.

– Это официальное заключение о смерти Элизабет. Вы ведь можете прочесть его сами. Оно написано по-русски.

Дронго внимательно прочел заключение медицинских экспертов и акт вскрытия патологоанатомов. Потом посмотрел на гостя.

– Ваша дочь злоупотребляла спиртным? – спросил он.

– Вот-вот, – оживился Роудс, – все дело как раз в этом. Вы тоже обратили внимание на этот странный факт. Эксперты утверждают, что у нее в крови обнаружили достаточное количество алкоголя. Мне это показалось очень подозрительным.

– Почему?

Роудс помедлил, затем все-таки сказал:

– Дело в том, что Элизабет не могла выпить такого количества спиртного. Она вообще не притрагивалась к алкоголю. У нее с детства была аллергия на алкоголь. Вы меня понимаете?

Дронго посмотрел на листы бумаги, которые все еще держал в руках. Затем осторожно положил их на столик перед собой.

– Это серьезно, – сказал он, – это очень серьезно, мистер Роудс. Кажется, вы уже убедили меня в том, что этим делом обязательно следует заняться. Но почему вы сразу приехали ко мне? Было бы логичнее, если бы вы обратились с подобным запросом к следователям и экспертам, которые выдали заключение.

– Я уже обращался, – кивнул Роудс, – примерно месяца три назад я обратил внимание на это несоответствие. И сразу позвонил в Москву, в наше посольство. Через две недели получил официальный ответ из московской прокуратуры. Они уверяли меня, что ошибки не могло быть, Элизабет действительно управляла автомобилем в нетрезвом виде. Тогда мне пришлось бросить все свои дела и снова приехать в Москву.

– И вам никто не поверил, – понял Дронго, тихо переспросив своего гостя.

Тот кивнул.

– Вот именно, мне просто никто не верил. Даже когда я предъявлял заключение лечащих врачей Элизабет, московские следователи смеялись и говорили мне, что в их стране даже убежденные трезвенники со временем становятся поклонниками Бахуса. Но я-то знал, что Элизабет не могла пить ни при каких обстоятельствах.

– Тем не менее вы настаивали на новом расследовании? – уточнил Дронго.

– Да, конечно. Они провели еще одну экспертизу, решили проверить все на месте и доказали мне, что на этом повороте даже абсолютно трезвый человек мог врезаться в грузовик. Собственно, это я видел и сам. После чего дело было закрыто официально и мне повторно выдали справку.

Роудс снова замолчал. Даже рассказывать о столь трагических обстоятельствах было для него чрезвычайно тяжело. Затем он поднял рюмку и сделал несколько маленьких глотков. И лишь поставив рюмку на столик, продолжил свою нелегкую историю. Дронго обратил внимание, что пришедшая с ним молодая женщина смотрит не столько с сочувствием на своего патрона, сколько с явным любопытством на самого Дронго. Ее черты начинали раздражать Дронго, привыкшего полагаться на свою память. В этот раз она его подводила. Он никак не мог вспомнить, где раньше видел эту молодую женщину.

– Я вернулся в Америку, – продолжал Роудс, – и решился на эксгумацию трупа. Скрыв от своей семьи, настоял на подобной процедуре, и уже наши американские эксперты-патологоанатомы исследовали тело Элизабет. Должен сказать, что самого меня в этот момент там не было. Я бы просто не смог во второй раз наблюдать за всем этим... В общем, наши эксперты подтвердили все мои опасения. Элизабет не была пьяна. Хотя после ее смерти прошло несколько месяцев, тем не менее специалисты исследовали ее костные ткани и пришли к однозначному выводу. Но более того... Они посчитали, что смерть не могла наступить в результате удара автомобиля, смерть Элизабет наступила от удушья.

Дронго еще раз взглянул на листы бумаги, подписанные экспертами. «Нужно будет в первую очередь обратиться к этим экспертам, – подумал он. – Очень интересно, что они не заметили явного убийства и нашли не существующий в крови алкоголь. Для любого патологоанатома такая ошибка просто невозможна».

– После этого я снова прилетел в Москву, – продолжал Роудс, – мы, южане, любим справедливость. Мне хотелось узнать, кто мог убить мою девочку и почему он за это не отвечает? Я пошел на прием в прокуратуру республики. Принял меня заместитель прокурора России. Он любезно меня выслушал, пообещал принять меры. Я показал ему экспертные заключения

российских и американских экспертов, указал на явное несоответствие смерти моей девочки официальному заключению. Он твердо пообещал, что дело будет проверено. Но с тех пор прошел уже целый месяц. Когда я, позвонив, поинтересовался, что именно происходит, мне сказали, что следователь занимается моим делом, но ничего конкретного они пока сообщить не могут. Целый месяц они не могли просто проверить показания экспертов, узнать, почему те дали такое некомпетентное заключение. И вы хотите, чтобы я поверил в российское правосудие? В их следователей и прокуроров? Мой прадед охранял свои земли с винтовкой в руках. Он учил моего отца, что в жизни важно самому решать свои проблемы. Поэтому я не собираюсь больше никого ни о чем просить. Я достаточно состоятельный человек, чтобы нанять частного детектива, надеюсь, вас не обижает это выражение. Я понимал, что американский детектив здесь ничего не сделает. Россия слишком специфическая страна, со своими характерными особенностями, чтобы в ней мог добиться успеха иностранец. Я искал такого человека, как вы, Дронго, пока из Нью-Йорка не позвонил мой знакомый и не порекомендовал мне обратиться к Пьеру Дюнуа.

Роудс чуть отдышался после долгой речи и продолжил:

– Я готов оплатить любые издержки, которые появятся в ходе расследования. Меня интересуют только два вопроса. Кто и почему это сделал? Пока я не получу ответа на оба вопроса, я не успокоюсь. Вы согласны помочь мне в этом деле?

Дронго взглянул на сидевшего перед ним человека. В его глазах были огромное, безмерное горе и капля надежды. Он смотрел на Дронго и ждал его согласия. Нет страшнее горя, чем горе человека, потерявшего своего ребенка. Дронго заметил, как дрожит правая рука Роудса, как дергается его щека.

– Да, – сказал он, – я согласен. Мне понадобятся копии всех имеющихся у вас документов. И ваше полное доверие, сенатор.

4

Офицер смотрел на фотографию стоявшего перед ним человека. Все было правильно. Прямые линии лица, упрямый взгляд, небольшой шрам на подбородке. Человек нетерпеливо оглядывался по сторонам, ожидая, когда пограничник вернет наконец его паспорт.

Офицер еще раз взгляделся в его лицо. Конечно, это тот самый человек, чья фотография в паспорте. Но почему тогда этот тип так нетерпеливо оглядывается, словно не решаясь смотреть пограничнику в глаза? Офицер ввел в компьютер номер паспорта. Нет здесь никаких проблем. Паспорт был чистым. На него не было никаких запросов или особых отметок. Но пограничника по-прежнему смущало это лицо на фотографии. Или он где-то видел этого типа?

Нет, вспомнить невозможно, а дальше тянуть было нельзя. Нужно ставить отметку о выезде. Черт с ним, пусть уезжает. В конце концов, если этот тип в чем-то и провинился, будет лучше, если он уедет из страны, чем останется здесь. Пограничник поднял штамп, собираясь проставить его отпечаток в паспорте. Еще раз посмотрел на фотографию и на стоявшего перед ним человека и поставил штамп.

Пассажир забрал свой служебный паспорт и двинулся дальше, туда, где уже светились магазины беспошлинной торговли, находящиеся как бы в пустом правовом пространстве, за границей самого государства. Офицер посмотрел ему вслед и взял следующий паспорт. Он пропустил еще двоих, все время думая о том человеке, когда за спиной появился его сменщик.

– Как дела? – спросил он.

– Все в порядке, – ответил офицер.

Он был молод, ему было всего двадцать пять лет, и ему нравилась его почетная должность. Попасть на работу в международный аэропорт Шереметьево в Москве было достаточно сложно, и, если бы не влиятельный дядя из кабинета министров, ему светило бы распределение в Мурманск или на границу Таджикистана, куда отправили большую часть ребят их курса. Но молодой офицер, кроме своего значительного дяди, обладал и другими достоинствами. Он был настойчив, внимателен, отличался наблюдательностью и склонностью к анализу.

Именно поэтому, покинув свое рабочее место, он сразу отправился в дежурную часть, где попросил девушку-прапорщика уступить ему компьютер. Та охотно предоставила ему свое место. Она была молода и красива. И по-своему справедливо считала, что он специально нашел повод посидеть в ее обществе несколько минут. Впрочем, она и не возражала. Ведь этот офицер был довольно симпатичным и милым парнем.

Но на этот раз она, кажется, ошиблась. Он сел за компьютер и стал сосредоточенно набирать имя только что ушедшего пассажира, даже не взглянув в сторону девушки, что было очень неприятно, но в душе она продолжала надеяться, что все это поза и он лишь создает видимость незаинтересованности.

Между тем запрошенные данные не давали результатов. Ни такой фамилии, ни подобного номера паспорта в их компьютере не было. Туда попадали данные о малейших нарушениях паспортного режима и любых подозрительных лицах, но этой фамилии компьютер не показал. Офицер изменил в фамилии одну букву, надеясь, что это поможет в его поисках. Потом изменил еще одну. Безрезультатно.

Уже в последней попытке он снова набрал фамилию чем-то взволновавшего его человека. Что-то в нем ему не понравилось. И этот упрямый взгляд, и этот характерный шрам. Он снова заработал на клавиатуре компьютера, запрашивая фотографии людей, разыскиваемых властями. Замелькали лица, но он уже не столько смотрел на них, сколько, обернувшись, улыбался сидевшей рядом девушке. Может, он действительно проявляет излишнюю бдительность?

Однако верный своему принципу доводить любое дело до конца, молодой человек продолжал, хотя уже не очень внимательно, следить за экраном, просматривая фотографии особо

опасных преступников или разыскиваемых лиц, которые уже когда-то пытались нарушить государственную границу и попали в своеобразный «черный список» пограничников. Он не ожидал ничего конкретного, пока не мелькнуло знакомое лицо. Офицер вернул первоначальное изображение, которое уже сменила на экране другая фотография.

Так и есть. Перед ним была фотография того самого человека, который только что прошел мимо него с синим служебным паспортом. Теперь он не сомневался, что видел это лицо. Конечно, видел. Особо опасный рецидивист, трижды судимый Дьяков Федор Константинович. Он видел это лицо еще два года назад, когда знакомился со списком особо опасных контрабандистов, запомнил именно из-за этого шрама. Точно такой шрам был у его младшего брата. Офицер помнил, как в детстве они поспорили с братом и в гневе он толкнул братишку на стоявшее в кухне ведро. Тот упал и расшиб себе подбородок, а характерный шрам остался на всю жизнь. Именно этот эпизод помог ему запомнить и другого человека с похожим шрамом – Дьякова. Только что этот человек прошел государственную границу, и если его не остановить, он уже через три часа окажется в Амстердаме.

Пограничник вскочил, отбрасывая от себя стул.

– Его нужно задержать! – крикнул он.

– Кого? – не поняла девушка. – Вы кого-то нашли?

– Он только что прошел границу, – показал офицер на изображенное на экране лицо. – Это особо опасный рецидивист Дьяков. Но по паспорту у него совсем другая фамилия. Просто я запомнил его лицо.

Девушка окончательно поняла, что офицер сел за компьютер совсем не ради нее. Это огорчило ее. Поэтому она лишь разочарованно пожала плечами, с усмешкой добавив, что такую ценную информацию лучше сообщить подполковнику.

Он так и не понял, почему миловидная девушка вдруг превратилась в сухого и бессердечного прапорщика. Но размышлять об этом не было времени. Пять минут он потратил на поиски. Еще пять минут на рассказ подполковнику об этом странном типе. Еще через пять минут сам офицер и еще несколько человек спешили к самолету, уже готовому взлететь.

Дьяков сидел в салоне первого класса, и потому найти его не составляло большого труда. Когда в самолет открыли дверцу и прошедший первым офицер указал на устроившегося в третьем ряду рецидивиста, тот в первый момент даже не понял, что произошло. На его несчастье, он купил билет первого класса на российский самолет, внутри которого еще могли распоряжаться представители официальных российских властей. Принадлежи этот самолет голландской авиакомпании «КЛМ», все могло бы получиться совсем по-другому, но – увы!

Увидев направляющихся к нему работников милиции и пограничной стражи, Дьяков поначалу даже растерялся, настолько неожиданным было появление этих людей в уже готовом взлететь самолете. Лишь когда они подошли, и он, подчиняясь их требованию, пошел к выходу, он вдруг понял, что уже никогда не попадет ни в Амстердам, ни в какой-либо другой европейский город. И потому на выходе из самолета он начал кричать и скандалить, заставив пришедших за ним людей почти выносить его из авиалайнера на руках. Он успокоился только в дежурной комнате, понимая, что скандал может закончиться для него гораздо хуже. Притворяться и делать вид, что произошла ошибка, было глупо. И неперспективно.

Именно поэтому, попав в дежурную часть, он замкнулся и не стал отвечать на вопросы пограничников до тех пор, пока не приехали представители Федеральной службы безопасности. Теперь им предстояло расследовать, каким образом особо опасный рецидивист получил служебный паспорт и шенгенскую визу, позволявшую посетить сразу семь европейских стран.

После отъезда сотрудников ФСБ, забравших с собой Дьякова, когда подполковник официально и строго объявил благодарность молодому офицеру за проявленную бдительность, тот наконец обратил-таки внимание на девушку.

Молодой офицер снова подсел к ней, уже не интересуясь ее компьютером. Она же была заинтригована детективной историей и все пыталась узнать у молодого человека, каким образом он сумел вспомнить фотографию рецидивиста через два года, в тот самый момент, когда Дьяков переходил государственную границу.

Офицер рассказал о своей семье и своем младшем брате, а в заключение неожиданно пригласил девушку на ужин. Она согласилась, не раздумывая. Уже прощаясь с девушкой до вечера, пограничник, еще не успокоившись окончательно, обронил:

– Все-таки интересно, каким образом рецидивист и контрабандист Дьяков сумел получить служебный паспорт и визу? Неужели в нашей стране действительно можно купить все?

Ответом было красноречивое молчание сотрудницы. Девушка, несмотря на свой возраст, действительно считала, что купить можно абсолютно все. Это было нормальным явлением в том ненормальном государстве, в котором они теперь жили.

А Дьяков, сидевший в белой «Волге», смотрел на деревья, мелькавшие по сторонам дороги. Он лучше других знал, как, кто и для чего купил ему этот паспорт. Они уже въезжали в город, когда из проносящегося мимо джипа раздалась автоматная очередь. Сначала никто не понял, что происходит. Лишь когда водитель автомобиля, вскрикнув, уронил голову на руль, разом закричали все находящиеся в машине люди. В том числе и сам Дьяков, уже понявший, кто стреляет в их машину. Раздалось еще несколько выстрелов, и сидевший справа от Дьякова офицер ФСБ навалился на него, тяжело хрипя. Другой офицер, пользуясь тем, что машина замедлила ход, открыл дверцу и вывалился наружу. Потерявшая управление машина свернула в овраг и после очередной автоматной очереди, которую вели сразу из двух автоматов сидевшие в джипе люди, врезалась в дорожный щит. Оглушенный Дьяков все еще надеялся, что эта операция проводится для его спасения, но когда попытался выбраться из машины, было уже поздно. Еще одна автоматная очередь – и машина вспыхнула как спичка, а затем взорвалась, похоронив в обломках и самого Дьякова, и двух сотрудников ФСБ.

5

В Москву они возвращались втроем. Роудс взял билеты в первом классе, салон которого был почти пуст, и они расположились на трех передних сиденьях, позволив Сигрид занять место между ними. Дронго иногда замечал ее изучающий взгляд, направленный на него, и не мог понять причину такого странного любопытства, явно выходящего за рамки той заинтересованности, которую должна была проявлять обычный секретарь сенатора к частному детективу даже в столь экзотических местах, как страна СНГ.

Дронго внимательно изучал все документы, предоставленные ему Роудсом, когда снова почувствовал взгляд Сигрид. Он поднял голову.

– Вы раньше читали эти документы? – спросил он у молодой женщины.

– Да, – кивнула она, – я готовила все документы для мистера Роудса. Сенатор собирается опять жаловаться в прокуратуру. Он поэтому меня и взял. Я знаю русский, польский и французский языки. Но работаю у него недавно, всего две недели.

– Меня всегда поражает, как европейцы легко овладевают языками, – пробормотал Дронго, – я, к сожалению, знаю только английский и итальянский. Даже французский, который мне так нравится, не сумел выучить. Иногда мне кажется, что это моя природная лень.

– Но зато вы хорошо говорите по-английски, – улыбнулась Сигрид.

– Вы еще лучше говорите по-русски. Кстати, где вы его изучали?

– В Стокгольме. Я специализировалась на славянском отделении. Поэтому изучала польский и русский языки.

– А вы раньше бывали в России? Или в СССР?

– Нет, никогда.

– Странно, мне иногда кажется, что я вас где-то видел.

Сигрид закусила нижнюю губу, не решаясь посмотреть на него.

– У вас довольно распространенная для Швеции фамилия. Простите, но, когда вы оформляли документы в аэропорту, я обратил на это внимание, – продолжал Дронго.

– Да, Андерссон довольно распространенная в Швеции фамилия, – сказала Сигрид, на этот раз не улыбнувшись.

Она выжидательно смотрела на Дронго, словно предугадывая его следующую фразу. Но в этот момент в разговор вмешался Роудс, и слова, которые просто обязан был произнести Дронго, она не услышала.

– У вас есть где остановиться в Москве? Или вы будете жить с нами в отеле?

– Конечно, у меня есть своя квартира, – кивнул Дронго, – но я буду жить вместе с вами. И не из соображений экономии. Во-первых, так удобнее, во-вторых, я собираюсь часто навещать свою квартиру, а судя по документам, которые вы мне дали, там могут оказаться люди, не очень заинтересованные в моем успешном расследовании.

– Вы все-таки надеетесь что-то найти? – тяжело вздохнув, спросил сенатор Роудс.

– Безусловно. И начать я хочу сразу с экспертов. Здесь две подписи патологоанатомов. Профессор Бескудников и эксперт Коротков. Я немного слышал о первом из них. Он достаточно известный специалист в Москве и вряд ли мог допустить такой просчет.

– Мне об этом тоже говорили, – помрачнел Роудс, – следователи прокуратуры ссылаются именно на него, когда говорят о том, что экспертиза была проведена верно. Они убеждены, что Бескудников не мог ошибиться. Но я ведь знаю, что он ошибся.

– Это мы проверим на месте, – кивнул Дронго. Разговаривать с Роудсом было достаточно сложно, приходилось говорить громче обычного. Между ними сидела Сигрид. А разговаривая громко на английском языке, они обращали на себя внимание даже в полупустом салоне первого класса.

Роудс замолчал, снова закрыв глаза. Сигрид тихо сказала Дронго:

– Он очень тяжело переживает смерть старшей дочери. До сих пор носит в кармане ее фотографию.

– Понимаю, – нахмурился Дронго.

В последнее время он плохо себя чувствовал, по ночам болело сердце, словно его прежняя беспорядочная и опасная жизнь мстила ему таким образом. А может, сказывались последствия тяжелого ранения в Нью-Йорке, когда он чудом остался жив.

Любезная стюардесса принесла еду, и они отвлеклись от темы, столь страшной для Роудса и объединившей этих трех пассажиров.

В Москву они прилетели поздним вечером. В аэропорту их встречал автомобиль, присланный из американского посольства. В отеле «Балчуг» были заказаны номера для всех троих. Сигрид позвонила прямо из самолета по мобильному телефону и заказала номер для Дронго.

– Вы будете ужинать? – спросила она, когда они вышли из автомобиля у входа в отель.

– Да, – улыбнулся Дронго, – это сказывается на моей комплекции, но я люблю плотно ужинать по ночам.

– Как французы, – засмеялась Сигрид, – в таком случае увидимся через полчаса в ресторане.

– А мистер Роудс?

– Он никогда не ужинает так поздно, – пояснила молодая женщина, проходя следом за сенатором в здание.

В Америке прочно прижились нетрадиционные законы феминисток, и мужчины уже не обязаны были уступать место женщинам, тем более собственным секретарям.

Поднявшись в свой номер, Дронго по привычке принял душ, переоделся и ровно через полчаса спустился вниз, чтобы поужинать со спутницей. Она по-прежнему его очень интересовала, так как все время казалось, что он видел где-то ее лицо. Усевшись на диван в холле отеля, он терпеливо ждал Сигрид. Наконец она появилась в другом конце холла. Теперь на ней был голубой брючный костюм, волосы распущены. Она была очень похожа на ту, другую женщину, которую он знал когда-то, в другую эпоху. И не похожа одновременно.

Нет, скорее похожа. То же лицо, та же фигура. Хотя не совсем. У дочери черты лица более тонкие, изящные. Ее мать напоминала роскошную львицу. Эта девушка скорее похожа на японскую статуэтку, имеющую задатки стать в будущем львицей. Как он сразу не разглядел эти знакомые черты, эти глаза.

Пораженный, Дронго вскочил с дивана, ошеломленно глядя на подходившую к нему молодую женщину.

– Я идиот, – сказал он, когда она подошла к нему совсем близко, – я должен был давно все понять. Польский и русский. И ваша фамилия Андерссон. Вы Сигрид Андерссон, как же я этого раньше не понял. Вы та самая девочка, о которой говорил мне еще пять лет назад Адам Купцевич. Мы как раз недавно с ним встречались. Вы, очевидно, дочь Урсулы? Как же я вас сразу не узнал?

– Здравствуйте, Мигель Гонсалес, – улыбнулась Сигрид, – кажется, так вас тогда звали? Теперь вы меня действительно узнали. Я все гадала, когда это произойдет. В самолете мне даже показалось, что вы нарочно не хотите говорить на эту тему. Адам Купцевич много рассказывал мне про легендарного Дронго и про ваши приключения с ним тринадцать лет назад. Вы ведь тогда были вместе с моей матерью.

Ее мать погибла в Нью-Йорке, когда Алан Дершовиц установил свое адское взрывное устройство в их машине. Как раз накануне бракосочетания Адама и Урсулы. Она погибла сразу, а Адам остался без ног. Спустя несколько лет Дронго нашел Дершовица в Констанце и застрелил его. И только после этого успокоился, словно выполнил свой долг перед другом, ставшим инвалидом, и женщиной, в которую он был тайно влюблен. Но еще тогда Дронго узнал, что

Урсула имела дочь. Во время их предпоследней встречи с Купцевичем тот как раз говорил ему о том, что он виделся с дочерью Урсулы, которая была студенткой. С тех пор прошло пять лет. Последний раз они встречались с Адамом совсем недавно, но тогда они ничего не говорили о дочери Урсулы. Так и должно быть. Бывшая студентка превратилась в красивую молодую женщину.

– Значит, это ты порекомендовала сенатору Роудсу обратиться к Дюнуа? – вдруг спросил Дронго.

– Наоборот, – по-прежнему улыбаясь, сказала Сигрид, – меня как раз рекомендовали Роудсу в качестве секретаря уже после того, как он узнал про Дюнуа.

– Идем в ресторан, – предложил Дронго, заметив, что на них смотрят со всех сторон, – там мы сможем спокойно поговорить. Ты слишком красива и вызываешь повышенный интерес к своей особе.

– Надеюсь, что вы сказали это только в порядке комплимента, а не сожаления, – улыбнулась женщина.

Он предложил ей руку. В ресторане было удивительно мало людей, и они заняли крайний столик у стены, предпочитая не афишировать своего присутствия. Бесшумно возникший официант так же бесшумно принял заказ и исчез.

– Что произошло? – спросил Дронго. – Или это все игра? Я снова вам понадобился. Но Роудс явно не играет. И эти документы совсем не похожи на забавную игру. Тогда в чем дело, Сигрид?

– У него действительно большое горе, – подтвердила она, – и это не игра. Просто мистер Дюнуа решил, что будет лучше, если и я прилечу вместе с сенатором сюда, в Москву.

– И давно вы работаете на Специальный комитет экспертов ООН? – помрачнел Дронго.

Он не хотел признаваться самому себе, что его взволновала эта неожиданная встреча. И тем больше его взволновала неожиданная связь Дюнуа с дочерью Урсулы. «Или у них работают семьями», – подумал он зло.

– Я не работаю там вообще, – сообщила Сигрид, – мне двадцать пять лет, и я уже два года как работаю в Американском управлении по борьбе с наркотиками. Я ведь американская гражданка, муж у меня был американец, но после развода я взяла фамилию матери.

– У вас был муж? – удивился Дронго. – И вы даже успели развестись. Мне вы кажется совсем юной.

– Мы разошлись полгода назад, – охотно пояснила Сигрид, – просто ему не нравились мои частые отлучки из дома. А я не очень люблю, когда меня контролируют.

– Кто-нибудь в Москве знает, где именно вы работаете?

– Кроме вас, никто. Даже в американском посольстве убеждены, что я просто секретарь сенатора Роудса.

– В таком случае вы должны мне объяснить, зачем сюда приехали? Или дело погибшей Элизабет Роудс каким-то образом связано с вашим визитом в Москву?

– Да, – осторожно сказала Сигрид, – связано. Мы с самого начала подозревали возможность такого исхода.

Официант принес первые закуски и бутылку вина. Дронго никогда не пил крепких алкогольных напитков, предпочитая только красное или белое вино хорошего качества. Он любил португальские и ливанские, израильские и французские, итальянские и испанские марки. Но более других любил грузинские сорта вин, почти исчезнувшие в последние годы на просторах СНГ. Официант откупорил бутылку испанского вина, разлил его в высокие бокалы и так же бесшумно исчез.

– Здесь вам не Америка, Сигрид, – печально заметил Дронго, – я уже однажды был свидетелем смерти вашей матери. Москва сегодня – это Чикаго тридцатых годов. Здесь убивают без

всякой пощады и стреляют, не раздумывая. Это очень опасно, девочка, и ты напрасно ввязалась в такую сложную авантюру. Думаю, я вполне могу провести расследование самостоятельно.

– Это мое задание, – возразила Сигрид, – я обязана узнать, как погибла Элизабет.

– Можешь мне просто помогать. Хотя я все-таки не до конца понимаю, при чем тут ваше управление? Или Элизабет писала что-то о поставках наркотиков? Или вы ее в чем-то подозревали?

– Нет, – Сигрид оглянулась и вдруг, наклонившись, тихо прошептала: – Элизабет Роудс была нашим сотрудником. И мы не сомневались с самого начала, что ее убрали из-за того, что она кому-то сильно помешала. Именно поэтому решено было послать меня. Я должна узнать причину смерти Элизабет и кому именно она могла помешать.

– Господи боже ты мой, – выдохнул Дронго, – только этого нам и не хватало.

6

Когда тебе поручают такое неприятное дело, это однозначно свидетельствует, что тебя не любит начальство. Виктору Юдину шел тридцать второй год, и его явно не любило начальство. Работавший в городской прокуратуре старшим следователем, он уже досыта насмотрелся на убитых и растерзанных людей.

Вот и теперь, стоя у сгоревшего автомобиля, он, недовольно покусывая губы, смотрел, как грузят на носилки останки трех сгоревших в машине людей. Сотрудники ФСБ и прокуратуры суетились вокруг места происшествия. К Юдину подошел незнакомый мужчина лет пятидесяти. Он был небольшого роста, в темной кожаной кепке и такой же куртке, темные брюки дополняли гардероб. Он мог быть и водителем автомобиля «Скорой помощи», и случайно оказавшимся на месте катастрофы дачником. Но подошедший к Юдину незнакомец коротко представился:

– Полковник Самойлов Дмитрий Николаевич. Я возглавляю группу по расследованию этого происшествия.

– Виктор Юдин, – протянул руку следователь. Он и сам не особенно любил носить темный официальный костюм, предпочитая джинсы и куртку. Но сегодня он был как раз в костюме и плаще и даже надел новый галстук, подаренный полгода назад его сослуживцами в честь присвоения ему нового, очередного прокурорского звания «младший советник юстиции».

Сам Юдин был чуть выше среднего роста и уже начинал лысеть, искренне огорчаясь по этому поводу. Но до сих пор предпочитал ходить с непокрытой головой даже в самые сильные морозы.

– Вы знали погибших? – спросил Юдин.

– Знал, – помрачнел полковник, – у Костюкова остались две дочери. Никак не могу привыкнуть к этому бардаку, – в сердцах произнес он, доставая сигареты.

– Что-нибудь про этого сукина сына известно? – показал Юдин на труп погибшего Дьякова.

– Все известно. Три судимости, последний раз бежал из колонии. Был в розыске как особо опасный преступник. Обнаглел настолько, что собрался прорываться через границу, даже не изменив свою внешность. Его и узнал пограничник. Дьякова взяли уже в самолете, когда он готовился вылететь в Амстердам. Вещей у него не было. Только небольшая сумка. И восемь тысяч долларов наличными.

– У него был еще служебный паспорт, – напомнил Юдин.

– Да, мы сейчас это проверяем. Откуда он мог получить такой паспорт? Кто его выдал? Я уже попросил моих сотрудников связаться с Министерством иностранных дел. Мы вам сразу сообщим результаты проверки.

– Спасибо.

Юдин имел спокойный, мягкий характер и не любил демонстрировать свою исключительность, настаивая на безусловном приоритете прокуратуры в делах такого рода. Впрочем, он знал правила игры – ФСБ всегда предпочитала проводить свои специальные проверки по любому факту, в котором были задействованы их сотрудники. И тем более в случаях, когда гибли оперативники их службы.

Трупы уже погрузили в машины, когда к Самойлову подошел один из его сотрудников.

– Мы отвезли Кошкина в больницу. Он нам все рассказал по дороге.

– Он в порядке?

– Да, он хорошо отделался. Легкое сотрясение мозга, ссадины, кровоподтеки. Врачи говорят, что отпустят его домой уже сегодня.

– Что он рассказал?

– То, что мы знали. Неизвестный джип серебристого цвета без номеров неожиданно оказался рядом с ними, и из него открыли стрельбу сразу двое, их машину расстреливали из автоматов. Костюков погиб сразу, а Кошкин успел выпрыгнуть, когда машина врезалась в щит. Пока он доставал пистолет и стрелял, джип уже успел уехать, но Кошкин убежден, что сумел в него попасть.

– В ГАИ сообщили? – недовольно спросил Самойлов.

– Они уже знают.

– Вы все поняли? – повернулся полковник к Юдину.

– Да, – кивнул тот, – видимо, действовали профессионалы. Причем достаточно быстро. Я думаю, в аэропорту был с Дьяковым кто-то еще, он и сообщил об аресте Дьякова.

– В самолете, – быстро уточнил Самойлов, – в самолете. Его забрали оттуда.

– В самолете, – согласился Юдин, – похоже, что у него был напарник. Наверное, с мобильным телефоном. Сейчас у всех эти пищалки. Любой уважающий себя бандит имеет несколько таких телефонов. Вот его напарник, наверное, и позвонил из самолета. Как считаете, самолет уже приземлился?

Полковник посмотрел на часы.

– По-моему, уже да. Прошло больше трех часов. Он должен был сесть в Амстердаме. Нам придется проверить весь список пассажиров.

– Обязательно, – уставшим голосом согласился Юдин, – как вы думаете, зачем он летел в Амстердам? Если хотел просто улизнуть из страны, то почему таким способом? Можно было спокойно уйти через Брест, где его никто не знал. Или через любую другую границу. А он решил лететь именно из Москвы.

– Обнаглели, сволочи, – поморщился Самойлов, – так себя ведут, будто им все дозволено.

– Не думаю, – осторожно заметил Юдин, – он ведь не новичок. Настоящий рецидивист, профессионал. Значит, должен был все просчитать. А он рискнул. Может, надеялся на свой паспорт и на напарника, который находился вместе с ним?

Самойлов ошеломленно посмотрел на следователя.

– Вы думаете, он прикрывал своего напарника?

– Он мог быть при нем. Или тот был при этом. Но они были связаны. Связаны настолько, что Дьяков был уверен в своих возможностях. Нам нужно подъехать в аэропорт прямо сейчас. Заодно побеседуем и с пограничником, – предложил Юдин.

– Согласен, – кивнул полковник, – идемте ко мне в машину. Здесь и без нас поработают.

– Володя! – крикнул Юдин эксперту-криминалисту, работающему внизу, в овраге. – Я еду в аэропорт. Увидимся вечером. Постараюсь к шести часам вернуться.

Когда они уже сидели на заднем сиденье черной «Волги», мчавшейся по направлению к аэропорту, полковник, достав очередную сигарету, раздраженно заявил:

– Никак не могу привыкнуть к подобным убийствам. Уже, казалось бы, столько лет, а все никак не могу. Я ведь вырос в деревне, в Сибири. А у нас даже поросенка забивали в особых местах. И детям запрещали придумывать поросенкам имена, чтобы потом не привыкали к ним и не плакали, когда их на стол подавать будут. А здесь такие хладнокровные убийства, словно мух давят. Мы за последние два года пять человек потеряли.

Юдин молчал. Потом спросил:

– Ваша группа занимается аэропортом?

– Да, – кивнул Самойлов, – вообще-то у нас там есть свой отдел, но, после того как в прошлом году арестовали столько работников милиции и таможни, нас решили бросить и на это направление. Теперь занимаемся и аэропортом. Самая криминогенная зона в Москве. Замешаны все: от сотрудников таможни до дежурных милиционеров. Не удивился бы, если бы вдруг узнал, что Дьяков вообще прошел в самолет без паспорта. Там все что хочешь может быть. Нужно только заплатить определенную сумму. А знаешь, что я тебе скажу, – он легко

перешел на «ты», словно они были знакомы много лет, – я не удивлюсь, если выяснится, что паспорт Дьякову был оформлен в МИДе на вполне законных основаниях. Очень может быть, что он представил туда другой паспорт, общегражданский, тоже выданный на законных основаниях. Купить паспорт тоже не проблема, – он помолчал и добавил: – И автоматы можно купить, и пулеметы. Один общий бардак, а не страна.

Юдин по-прежнему молчал. Он был согласен с полковником, но понимал, что тому необходимо высказаться. Самойлов очень тяжело переживал гибель своих сотрудников.

– Вот, посмотри, – показал полковник на телефон, установленный в его машине, – уже вторую неделю прошу проверить, почему не работает. А у преступников в карманах мобильные телефоны, по которым они могут перезваниваться друг с другом.

Через десять минут их машина подъехала к служебному входу в аэропорт. Еще через пять минут они уже просматривали списки пассажиров, улетевших в Амстердам. Сидевшие напротив сотрудники аэропорта не понимали, почему их так волнуют эти списки. Ведь все улетевшие имели шенгенские визы, полученные в посольствах стран Западной Европы, и оформленные паспорта. И все проходили пограничный и таможенный контроль.

Как раз в тот момент, когда окончательно уточненные списки улетевших пассажиров были сверены с компьютерными данными службы вылета, в кабинет ворвался толстячок с большими залысинами и добродушным мясистым лицом.

– Митя! – закричал он Самойлову. – Чего ты меня не предупредил? Мне сказали, у тебя погибли двое ребят.

– Знакомьтесь, – представил вошедшего полковник, – это полковник Карцев, мой старый товарищ и начальник отдела, отвечающий как раз за этот аэропорт. А это Виктор Юдин, старший следователь городской прокуратуры. Он как раз будет вести расследование нашего дела.

– Малоприятно, – проворчал Карцев, усаживаясь на свободный стул, – о вашем приезде уже знает весь аэропорт. Могли бы и меня предупредить.

– Мы сами не знали, что приедем сюда. А мой телефон в автомобиле не работает, – напомнил Самойлов. – Устраивайся поудобнее, у нас еще много работы.

Они просидели над списками до пяти часов вечера, выделяя группу возможных напарников погибшего Дьякова. Исключая иностранных граждан, дипломатов, сотрудников различных представительств, членов двух туристических групп, несколько семей, вылетавших в Голландию на отдых, в списке все равно оставались девятнадцать мужчин и женщин, каждый из которых мог быть напарником Дьякова.

Однако ни один из этих девятнадцати не получал паспорт в то же время, что и сам Дьяков. Вместе с тем у двоих упомянутых в списке людей были прежде судимости, и их решено было проверять в первую очередь. Был уже седьмой час вечера, когда они решили прекратить проверку. Карцев попросил по телефону принести им в кабинет бутерброды и кофе.

Они заканчивали свой импровизированный ужин, когда раздался телефонный звонок, и поднявший трубку Карцев передал ее Самойлову.

– Товарищ полковник, – услышал Самойлов взволнованный голос одного из своих сотрудников, – мы нашли джип, из которого было совершено нападение. Там же лежат оба автомата, завернутые в полиэтиленовые пакеты.

– Ну и что? – устало спросил Самойлов. – Из-за этого вы меня искали?

– Нет, не из-за этого. Приехал Кошкин, по показаниям которого мы составили фоторобот. Одного из нападавших удалось опознать. Это Крутиков, тот самый, которого вы знаете.

– Ясно, – Самойлов обернулся к Юдину, – кажется, у нас хорошие новости. Удалось опознать одного из нападавших.

7

Утром за завтраком сенатор спросил у Дронго:

– Вы плохо сегодня спали? У вас какой-то странный вид.

Сигрид вышла к завтраку, одетая в простое черное платье. Сидя напротив Дронго, она пила свой кофе, сосредоточенно глядя в чашечку, словно пытаясь там что-то отыскать.

– Нет, – ответил Дронго, – просто ночью меня мучили неприятные сны.

– Вы видите сны? – удивился Роудс. – Я уже забыл, когда видел сны.

– Это, наверное, из-за сильного воображения, – пошутил Дронго, стараясь не смотреть на Сигрид.

Вчера ночью они долго говорили, сидя в ресторане, вспоминали мать Сигрид и ее трагическую гибель. И чем больше они говорили, тем больше нарастало в самом Дронго стремление каким-то образом уберечь, спасти дочь той женщины, которую много лет назад он не сумел спасти... Но он понимал, что Сигрид прилетела в Москву не только для того, чтобы работать переводчиком Роудса.

– Сенатор, – обратился Дронго к Роудсу, – я не знаю, сколько времени займет расследование. Но у меня есть предложение. Может, вы предоставите мне хотя бы три дня, чтобы я разобрался, что именно происходит с документами, и попытаться восстановить картину случившегося?

– Да-да, конечно, – согласился сенатор, – тем более что у меня сегодня встреча с американским послом.

Сигрид посмотрела на Дронго такими глазами, что тот понял все без лишних слов.

– Может, вы разрешите Сигрид поехать со мной, – предложил Дронго, – в американском посольстве она вам не понадобится, а судя по всему, она знает детали случившегося.

– Конечно, – согласился Роудс, – я сам хотел предложить вам такой вариант. Обязательно возьмите ее с собой. Вдруг придется связаться со мной, она знает номер моего мобильного телефона. И в курсе всего происходящего.

Сигрид незаметно кивнула. Она была довольна состоявшимся разговором. Когда они через полчаса вышли из отеля, остановив второе по счету попавшееся им навстречу такси, Дронго недовольно заметил:

– Я это сделал не ради вас. Просто сенатору вы сегодня не понадобитесь. Все-таки не понимаю, почему прислали именно вас? Они могли связаться с местным отделением ФСБ, занимавшимся этой проблемой. Да и в американском посольстве сидит специальный представитель ФБР. Для чего нужна такая конспирация?

Разговор шел на английском, чтобы сидевший за рулем водитель такси их не понимал.

– В том-то все и дело, – пояснила Сигрид, – о приезде моей предшественницы в Москву знал только представитель ФБР в нашем посольстве. И тем не менее она погибла. Несчастный мистер Роудс и его семья не знают, что эксгумация трупа проводилась дважды. Сначала мы сами все проверили и убедились, что смерть Элизабет не была случайной. Вы можете даже не ездить к этому профессору Бескудникову. Он, конечно, подделал документы, подписав ложное заключение. Вчера в ресторане я не хотела об этом говорить. Вы бы мне все равно не поверили. И поехали бы к профессору один. А мне очень хотелось поехать с вами.

Она говорила тихо, наклонив голову к Дронго. Ее мягкие волосы приятно касались его щеки.

– Давайте договоримся сразу, – строго сказал Дронго, – во-первых, вы больше ничего от меня не скрываете. Во-вторых, слушаетесь.

Он говорил по-английски и невольно обращался к Сигрид на «вы», подсознательно перейдя по-русски на «ты».

– Почему ФБР уверено, что Бескудников подделал документы?

– У погибшей действительно была аллергия на алкоголь, – пояснила Сигрид, – она никак не могла выпить того количества, какое отмечено в протоколе. Кроме того, она погибла не от удара. Ее задушили, это было совершенно ясно. Эксперты подтвердили наши подозрения.

– А как со второй эксгумацией? Врачи не заметили, что тело женщины уже доставали из могилы?

– Конечно, заметили, – недовольно ответила Сигрид, – но это уже были проблемы ФБР. Мы просто дали наш протокол для вторичного освидетельствования и убедили экспертов его подписать.

– То есть вы тоже соврали. А может, ошибаются ваши эксперты, а не профессор Бескудников?

Сигрид посмотрела на Дронго.

– У вас парадоксальное мышление, – заметила скептически женщина.

– Нет. Это называется опытом. У меня уже был в жизни случай, когда очень уважаемому эксперту, которого наверняка нельзя было купить или обмануть, просто подсунули другой труп, и он его тщательно и добросовестно проверил. Вы не предполагали такой вариант?

– Чем больше я работаю в России, тем больше удивляюсь, – честно призналась Сигрид, – здесь на каждом шагу встречаются абсолютно невозможные вещи. Невозможные в любой другой стране, кроме России.

– Именно поэтому я и не хочу, чтобы вы занимались подобным расследованием в Москве, – пробормотал Дронго, – здесь свои правила и свои порядки, зачастую непонятные иностранцам. Здесь очень специфическая страна, Сигрид, и даже очень хорошее знание русского языка может не помочь решению проблемы.

– По-моему, вы с удовольствием отправили бы меня обратно в Америку, – сказала Сигрид, – вам не кажется, что я уже взрослая?

– Мне кажется, что вы дочь женщины, которую я не сумел спасти от смерти, – тихо пробормотал Дронго, – я ведь вам все объяснял. Если хотите, у меня просто неврастения на этой почве. Я слишком часто терял своих напарников, среди которых были и женщины.

Они помолчали. Сигрид осторожно дотронулась до его руки.

– Обещаю, что буду слушаться вас. И постараюсь не разделить судьбу ваших напарников, – немного иронично добавила она.

Дронго взглянул на нее.

«Кажется, я становлюсь старым брюзгой, – подумал он, – может, это из-за разницы в возрасте?»

Такси затормозило у здания научно-исследовательского института, где работал профессор Бескудников. Дронго расплатился с водителем и вылез из машины. Сигрид последовала за ним.

В институте было как-то пусто и тихо, словно все его сотрудники покинули это здание, и теперь в нем встречались лишь редкие лаборанты. Кабинет Бескудникова находился на третьем этаже, и когда они его обнаружили, выяснилось, что профессор уехал на совещание и будет через два часа.

– Придется ждать, – недовольно заметил Дронго, усаживаясь на стул в приемной, – от разговора с ним зависит весь ход дальнейшего расследования.

Услышав, что он говорит по-английски, секретарь Бескудникова, женщина лет шестидесяти, внимательно посмотрела на незнакомцев.

– Вы по обмену? – спросила она.

Сигрид хотела что-то ответить, но Дронго, легко подтолкнув ее, сразу закивал.

– Конечно, – сказал он, добавляя к своему голосу необходимый акцент, чтобы его приняли за иностранца, – мы прилетели из Америки для встречи с профессором Бескудниковым.

– Тогда вы подождите. Он обещал приехать значительно раньше. Может быть, он вернется через полчаса.

– Обязательно, – согласился Дронго и, обращаясь к Сигрид, сказал уже по-английски: – Вы видите, Сигрид, в чем преимущество знания иностранных языков? Здесь по-прежнему уважают и немного побаиваются иностранцев. Это идет еще оттуда, из Советского Союза, когда любой иностранец был потенциальным врагом и шпионом ЦРУ. Шпиономания давно закончилась, а относительное уважение к иностранцам осталось. В отличие, например, от Франции, где вообще лучше не говорить по-английски. Вам просто могут не ответить.

Сигрид усмехнулась:

– Вам нужно писать книги. Вы очень наблюдательны.

– После первой же моей книги меня найдут и уберут, – очень серьезно сказал Дронго, – я живой только потому, что до сих пор никогда и никому не рассказываю о своих знаниях. Иначе это может быть бомба, которая взорвет не одно правительство.

– Понимаю, – согласилась с ним женщина. – Вы столько лет были связаны со всеми этими расследованиями. Мне рассказывали, что в ООН вам предлагали довольно солидную должность. Но вы отказались. Можно узнать почему?

– Я слишком любопытен по природе и слишком непоседлив. По гороскопу я Овен, а этот знак подразумевает страсть к постоянной перемене мест, любовь к путешествиям, к разного рода приключениям. Спокойная жизнь чиновника не для меня. Кстати, а кто вы по знаку Зодиака?

– Вы верите в такие вещи? – засмеялась Сигрид.

– Не всегда. Но иногда знак Зодиака довольно точно отражает внутреннее состояние человека, навязываемое ему определенными рамками гороскопа. И человек бессознательно следует внутреннему голосу. Можете называть это самовнушением.

– Я Скорпион.

– Так я примерно и думал.

– Это хорошо или плохо?

– Не знаю. Но, по-моему, для женщины плохо. Хотя я тоже не очень помню все эти знаки. Я читаю только про рожденных в апреле, так как это мой знак.

Оба рассмеялись.

– Там был еще второй эксперт, – задумчиво сказал Дронго, – может быть, он сейчас работает в институте и мы можем узнать от него подробности патологоанатомической экспертизы Элизабет Роудс. Скажите, пожалуйста, – обратился Дронго к любезному секретарю профессора Бескудникова, – вы не знаете такого сотрудника вашего института, как доктор Коротков?

Секретарь сделала удивленное лицо.

– А зачем он вам нужен?

– У меня есть к нему письмо от нашего американского коллеги, – быстро соврал Дронго. Секретарь покачала головой.

– Это невозможно, – с сожалением сказала она, – это никак не получится. Доктор Коротков погиб три месяца назад.

– Как вы сказали? – вскочила со стула Сигрид.

– Да, – подтвердила удивленная женщина, не понимая бурной реакции иностранцев, – рядом с нашей больницей находится стройка, которая ночью не освещается. Коротков возвращался поздно вечером домой и упал в вырытый котлован. Было следствие, говорят, кого-то из прорабов строго наказали. Но человека уже не вернешь, – почти философски закончила она.

Дронго переглянулся с Сигрид.

– Когда это было? Вы можете вспомнить точную дату?

– Примерно три месяца назад. А почему вы спрашиваете?

– Мне нужна точная дата, – попросил Дронго.

Женщина открыла свой журнал, посмотрела.

– Это было в конце июля, – объявила она наконец.

Дронго обернулся к Сигрид, и та, понимая его вопрос, кивнула.

– Да, – сказала она, – Роудс провел эксгумацию в середине июля и сразу прилетел в Москву.

– В таком случае это уже не совпадение, – закончил за нее Дронго, – значит, до нас здесь уже побывали другие визитеры.

8

В прокуратуру Юдин так и не поехал. Весь вечер просидел в городском управлении ФСБ, куда ежечасно докладывали о совместных поисках милиции и службы безопасности. По всему городу были задействованы десятки людей. Появилась редкая возможность взять одного из нападавших террористов.

В подобных случаях свидетелей происшествия обычно не бывает. Слишком безжалостно действуют наемные киллеры. Но самое главное – все происходит обычно так стремительно и неожиданно, что даже случайные свидетели не успевают заметить характерные черты нападавших, путаются в своих показаниях. А здесь свидетелем и жертвой нападения оказался сотрудник ФСБ, который успел заметить одного из нападавших. Происшествие происходило на оживленной трассе, и нападавших интересовал прежде всего сам Дьяков, а не его охрана. Именно поэтому они не стали искать выпавшего из автомобиля Кошкина, а добивали автомобиль с находившимся в нем своим сообщником.

Весь вечер и всю ночь шли поиски Крутикова. К этому времени на столе у Юдина и Самойлова уже лежало полное досье на Крутикова Всеволода Матвеевича. Родившийся двадцать шесть лет назад, он уже успел заработать две судимости, и обе за вооруженный грабеж. И если в первом случае – это было почти десять лет назад – с ним обошлись довольно мягко, приговорив к пяти годам колонии, из которой он вышел уже через полтора года, то второй свой приговор он заработал уже в двадцать один год и на этот раз получил по полной мере – двенадцать лет колонии. Во время нападений их вооруженной группы на водителей большегрузных машин случилось несколько убийств, однако Крутиков прошел как пособник, так как он в это время сидел за рулем автомобиля, перекрывающего дорогу к отступлению жертвам преступлений, и формально в убийствах не участвовал. На этот раз он отсидел четыре года и снова оказался на свободе за «примерное поведение».

Крутиков подозревался еще в нескольких преступлениях, и его уже давно искала московская милиция. После получения подтверждения из ФСБ о возможной причастности Крутикова к нападению на автомобиль Федеральной службы безопасности все районные управления внутренних дел получили приказ об активизации поисков.

Но в этот вечер Крутикова так и не нашли, хотя сотрудники МУРа добросовестно проверили несколько подозрительных квартир. На следующий день Юдин приехал на работу в скверном настроении. С раннего утра было сразу два совещания – сначала у прокурора города, потом у его заместителя, курировавшего следователей. Только в двенадцатом часу Юдин освободился и позвонил Самойлову.

– Что-нибудь нашли? – быстро спросил он.

– По Крутикову пока ничего нет, милиция заявляет, что его ищут повсюду. А вот по паспорту Дьякова у нас очень интересная штука получается. Паспорт-то у него вполне законный. И виза настоящая. И сам паспорт выдан в МИДе по просьбе руководства фирмы «Монотекс» для выезда в служебную командировку их представителя. Нашли даже их письмо с просьбой о выдаче паспорта.

– А где эта фирма находится?

– В том-то все и дело, что ее вообще нет. По адресу, который указан на бланке, никогда не было такой фирмы. Но, видимо, кто-то в МИДе был заинтересован, чтобы Дьяков свой паспорт получил. Сейчас мы пытаемся выяснить, кто это мог быть.

– Но сама фирма была зарегистрирована? Можно узнать, кто представлял регистрационные документы?

– Ты ведь знаешь, как это делается. Концы найти трудно. Но мы сейчас работаем. Думаю, к вечеру что-нибудь выясним. Ты лучше милицию подстегни, пусть ищут Крутикова. Он многое может рассказать. Как только будут новости, я позвоню.

– Договорились. – Виктор положил трубку и недовольно поморщился. Полковник ФСБ явно считал ниже своего достоинства заниматься уголовником Крутиковым. Их больше интересовал заграничный паспорт Дьякова и через кого он его получил. Впрочем, их можно понять – своя специфика.

Юдин достал список пассажиров вчерашнего авиалайнера. Двое из них были занесены в компьютерную сеть информационного центра Министерства внутренних дел. Один – Петросов Карен Артурович, ранее судимый за мошенничество, тем не менее имел заграничный паспорт и шенгенскую визу, позволявшую ему выехать в Голландию. Однако паспорт и визу он получал не в Москве. Заграничный паспорт еще советского образца и визу во Францию ему выдали в Армении. А вот второй пассажир, также занесенный в компьютер, паспорт и визу получал в Москве. Это был Шелагинов Аркадий Евгеньевич. Он ранее работал в Торгпредстве и в Министерстве торговли. В восемьдесят третьем был арестован, осужден, а в восемьдесят девятом дело было пересмотрено, и он был реабилитирован. Шелагинов получил голландскую визу за месяц до того, как туда обратился Дьяков. Но тем не менее его также следовало проверить.

Еще семнадцать человек вызывали подозрение, но каждого из них нужно было проверять в отдельности. Кто-то из них позвонил из самолета и предупредил об аресте Дьякова. Оставался вариант с провожающим, но его сразу исключили. Любого провожающий, увидев, как его объект проходит к самолету, сразу бы уехал, не дожидаясь, пока лайнер взлетит. И, самое главное, никто бы не сумел просто так пройти границу и таможню, оказавшись в зоне вылета пассажиров. Значит, оставался вариант со вторым напарником Дьякова, с которым тот вылетел в Амстердам.

Юдин посмотрел на список и с неудовольствием подумал, что на его проверку уйдет не меньше недели. Но все равно нужно было собирать свою группу и ставить конкретные задачи. Он подчеркнул фамилии Петросова и Шелагинова, решив все-таки особо проверить этих двоих. И особенно выяснить, не пересекались ли их пути в колониях с Дьяковым. «Нужно будет послать срочный запрос в МВД», – отметил Юдин, собираясь сделать это сам.

День прошел в обычных заботах. Дважды его вызывали по другим делам, дважды ему звонили по поводу Крутикова, которого так и не могли найти. Из семнадцати фамилий, указанных в списке, сразу отпали две. Люди выезжали в Голландию на постоянное место жительства. Еще один оказался известным спортсменом, вылетающим в Амстердам для участия в соревнованиях. Четвертым был художник, направлявшийся в Голландию для участия в какой-то престижной выставке. Список постепенно редел, а напарника Дьякова они так и не могли вычислить.

В шестом часу вечера позвонил Самойлов.

– Есть какие-нибудь результаты? – уставшим голосом спросил полковник.

– По Крутикову милиция все время докладывает, что пока не обнаружен. А вот по группе подозреваемых работаем. Там тоже не очень утешительно. А у вас есть какие-нибудь новости?

– И не одна, – меланхолично заметил Самойлов, – будет лучше, если мы встретимся. Ты можешь приехать к нам?

– Что-нибудь серьезное? – понял Юдин.

– Боюсь, что даже слишком, – ответил полковник, и Виктор неслышно вздохнул, решив, что стоит поехать.

Но вырваться сразу не удалось. Опять позвонили из милиции уточнить насчет Крутикова. Какой-то сидевший в МУРе умник, ссылаясь на агентурную информацию, докладывал об отсутствии в городе Крутикова и возможной ошибке Кошкина. Покричав в трубку, что их

дело найти бандита, а не комментировать ход следствия, Виктор немного успокоился и наконец решил поехать к Самойлову.

Он приехал уже в восьмом часу вечера, в душе надеясь, что полковник давно ушел домой. Но тот был на работе. И сам спустился вниз, чтобы встретить Юдина. Когда они наконец устроились в кабинете, полковник, улыбаясь, спросил:

– Ты сегодня хоть обедал?

– И не ужинал, – честно ответил Виктор.

– Тогда давай пошлем кого-нибудь за бутербродами, – предложил полковник, – а мы с тобой еще поработаем. Думаю, опять придется задержаться.

– Только дайте мне телефон, – вздохнул Виктор, – моя девушка меня убьет. Я отменяю уже третье свидание.

– Ты еще не женат?

– А когда я успею? Сегодня вы разрушаете мой очередной роман.

– Ничего, – засмеялся полковник, – зато получаешь моральное удовлетворение. И заодно таким образом проверяешь свою будущую супругу. Если не может ждать сейчас, значит, не будет ждать и потом. Это уже проверено опытом.

– Слабое утешение, – пробормотал Виктор, подходя к телефону.

Пока он объяснял девушке, почему не может вечером приехать на встречу, полковник вызвал одного из сотрудников, попросив его купить бутербродов и несколько бутылок минеральной воды. Когда Виктор кончил говорить, безуспешно пытаясь успокоить свою девушку, и наконец положил трубку, полковник показал ему на свой стол.

– Я отсюда вообще ночью не уходил. Утром у нас уже были интересные результаты, но я не хотел тебе говорить, пока все не проверю. Теперь уже нет сомнений, поэтому и попросил приехать.

– Все так плохо? – вздохнул Юдин.

– Почти. Дело в том, что фирма «Монотекс» была зарегистрирована по всей форме. Учредителями были частные лица, которых мы, конечно, не нашли. Но вот что интересно. Фирма «Монотекс» за последние несколько месяцев имела довольно тесные контакты с Голландией, поставляя туда товары народных промыслов. Так было указано в таможенных декларациях.

– Ну, это понятно, – кивнул Юдин. – Поэтому они и получили приглашение из Голландии и оформили визу на Дьякова.

– Вот-вот. Мы проверили адрес, по которому якобы был прописан Дьяков. Так вот, там явно кто-то успел побывать до нас. Квартиру снимали молодые люди, представившиеся сотрудниками фирмы. Хозяину платили вовремя и даже раньше установленного. В квартире явно был офис, еще видны места проложенных проводов от факсов, компьютеров, различной мебели. По свидетельству соседей, все вывозилось вчера ночью, очень спешно, но тихо.

– Значит, и там они нас опередили.

– Не совсем. Нам было интересно, кому поступали документы этой фирмы. Кто ставил визу на прохождение грузов для «Монотекса». И здесь мы вышли на очень интересный факт.

Юдин нахмурился. Дело об убийстве рецидивиста Дьякова становилось все более громким.

– Так вот, фирма трижды представляла документы в таможенную службу. И каждый раз их грузы проходили без задержки, кроме последнего случая, когда груз был почему-то задержан.

– Его задержала таможня?

– В том-то и дело, что нет. Он не прошел регистрацию. Его просто не стали предъявлять таможне, а увезли обратно без объяснения причин. Но самое интересное не это. Все документы «Монотекса» всегда подписывал один человек, который лично курировал эту фирму. Это бывший заместитель председателя таможенного комитета Леонтьев.

– Что значит «курировал»? – не понял Юдин.

– На всех документах «Монотекса» его подпись. Он лично давал указания о пропуске грузов этой фирмы, которые обычно оформлялись даже без должного таможенного досмотра.

– А почему бывший?

– Он застрелился. Как раз через несколько дней после того, как груз фирмы не был доставлен на таможню. Это было примерно полгода назад. Какое интересное совпадение, ты не находишь?

– Груз не стали предъявлять таможне, а он застрелился? – медленно спросил ошеломленный Юдин.

– Вот именно. Похороны были громкие. Весь город там был. Кстати, наши сотрудники считают, что это было не совсем самоубийство. По версии наших следователей, ему вполне могли и помочь. Следствие по этому делу еще не закрыто. Дело в том, что он застрелился не из своего пистолета. И в отсутствие своей секретарши, которую вызвали в другое крыло здания по незначительному вопросу. Согласись, это достаточно подозрительно.

– Вы считаете, что Леонтьев был связан с фирмой «Монотекс»?

– Вот документы, – кивнул на лежавшие перед ними папки Самойлов, – ты можешь сам все изучить. И если хочешь, я позову нашего сотрудника, который давно занимается таможенным комитетом. Он расскажет много интересного.

Виктор посмотрел на папки еще раз.

– Кажется, Дьякова убили вовремя, – сказал он, – иначе этот тип мог многое рассказать.

9

Профессор Бескудников приехал через час. Он был маленького роста, в тяжелых больших очках, седоволосый, всклокоченный, словом, полностью соответствовал виду настоящего ученого, немного не от мира сего. Поздоровавшись с сидевшими в его приемной людьми, он уже входил в свой кабинет, когда вскочившая при его появлении секретарша запричитала:

– Это к вам, Илья Сергеевич. Они иностранцы, приехали по обмену.

– Да? – обернулся Бескудников. – Очень приятно. Проходите в мой кабинет, господа. Очень сожалею, что заставил вас ждать.

– Ничего, вы же не знали о нашем приезде, – улыбнулся Дронго, входя следом за профессором.

В кабинете царил такой же творческий беспорядок, как и в приемной. Книги были на столах и даже на полу. Бескудников вздохнул и остановился у вешалки, снимая плащ.

– Раздевайтесь, – предложил он, показывая на вешалку, – из какого вы института?

– Нет, – ответил Дронго, – мы не из института. Мы прилетели из Америки, это правда. Но ваша секретарша не поняла. На самом деле мы не врачи, мы журналисты.

– Журналисты?

– Из «Ньюсуик». Мы хотели бы немного поговорить с таким признанным авторитетом, как вы, – добавил Дронго, доставая блокнот и ручку.

К его удивлению, Сигрид сделала то же самое, вынимая из кармана блокнотик и небольшой диктофон из сумки, и он поощрительно кивнул ей. Очевидно, он все-таки недооценил ее подготовку. Она была совсем неплохим партнером.

– Вы очень хорошо говорите по-русски, – заметил Бескудников, – очевидно, пишете на наши темы?

– Да, – подтвердил Дронго, бросая быстрый взгляд на Сигрид, – нас интересуют именно ваши темы.

– Что-то конкретное? – спросил Бескудников, подойдя к двери и открывая ее. – Наталья Георгиевна, сделайте нам, пожалуйста, чаек, будьте добры. Какие конкретно вопросы вас интересуют? – спросил, возвращаясь на свое место и усаживаясь напротив гостей.

– Мы интересуемся вопросами возможных судебных ошибок, – осторожно сказал Дронго, – в каких случаях ошибки экспертов влияют на вынесение приговора обвиняемым.

– Гм, – недоверчиво проворчал профессор, – очень интересная тема. А что именно вас интересует, какое-то конкретное дело?

– Нет, скорее специфика таких дел, – торопливо сказал Дронго.

Сидевшая рядом Сигрид все время молчала.

– Какая конкретно специфика? – спросил Бескудников. – Задавайте ваши вопросы.

– Вы работаете патологоанатомом уже больше тридцати лет? – спросил Дронго.

– Почти сорок, – улыбнулся профессор, – и кое-что в этом деле понимаю.

– Возможна ли ошибка в проведении экспертизы на предмет выявления алкоголя в теле погибшего?

– Практически нет. Там имеются очень четкие параметры, по которым можно все определить. Если человек пил до своей смерти, то это всегда можно установить.

– А если не пил?

– Тем более. Даже если потом будут вливать мертвецу алкоголь в рот, это все равно не поможет. Даже если сразу после смерти сделают укол. Не вдаваясь в специфические подробности, скажу, что там очень четкие показатели, понятные любому врачу.

– Таким образом, подделать наличие невозможно?

– После смерти нет. Исключено.

– А возможно ли по останкам тела установить какие-нибудь особенности смерти? Скажем, опять же наличие алкоголя при эксгумации трупа.

– Конечно нет, – удивился профессор, – если тело достаточно долго пролежало в земле. Смотря сколько лет.

– Нет, вы меня не поняли. Сразу через несколько месяцев после смерти.

– Если через несколько месяцев, то можно. Тело еще не разложилось окончательно, и все признаки налицо. Можно проверить и костный мозг, взять останки ткани. Словом, через несколько месяцев анализы еще можно проводить. Хотя при наличии нормальной лаборатории такие анализы можно проводить и через пятьдесят, и через сто лет после смерти. Сейчас исследуются структуры ДНК в разложившихся трупах царской семьи, что представляется очень интересным для нашей науки.

Секретарь внесла поднос с чайником и большими стаканами в мельхиоровых подстаканниках. Поставила на столик вазочку с сахаром и конфетами. Разлила чай и величественно удалилась.

– Будьте любезны, – показал Бескудников на стаканы.

– Спасибо, – поблагодарил Дронго, подвигая один стакан к Сигрид. Она, очевидно, хотела что-то спросить, и он кивнул ей, разрешая задать вопрос.

– Скажите, профессор, – спросила она, – может ли опытный эксперт перепутать причину смерти при эксгумации трупа?

– В каком смысле?

– Ну, скажем, через три месяца выясняется, что человек погиб совсем по другой причине, нежели было указано в первом случае.

– В каком случае? Я должен знать, отчего погиб человек, что было в первом экспертном заключении и что было во втором. Незначительные ошибки всегда возможны. Очень может быть, что у человека раздавлена грудная клетка и он умер от удушья, а эксперты считают, что он погиб в результате травмы. Такие случаи бывают.

Сигрид взглянула на Дронго.

– А у вас были такие случаи? – быстро спросила она.

– У меня, конечно, нет. Подождите, – вдруг вспомнил Бескудников, – у нас было одно преступление, внешне похожее на такой случай. Наверное, вас интересует то происшествие с американской девушкой, погибшей в дорожной аварии.

– Какой девушкой? – Дронго взял инициативу в свои руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.